

**Рецепция русским читателем
художественных образов английской романтической поэзии
(на материале произведения Дж. Байрона «Lines written in an album,
at Malta» в переводе Ф. И. Тютчева)**

Сегодня все больше исследователей в области литературоведения уделяют пристальное внимание такому явлению, как рецепция поэтических текстов. Особый интерес представляет рецепция русским читателем английской романтической поэзии.

Статья посвящена проблеме анализа процесса рецепции английской поэзии в русском литературном обществе на материале перевода произведения Дж. Байрона «Lines written in an album, at Malta», выполненного Ф. И. Тютчевым. Художественные образы, созданные Ф. И. Тютчевым, являются значимыми для исследования поэзии эпохи романтизма. При этом для литературоведов особую ценность представляет рецепция образов в переводе Ф. И. Тютчева, выраженная через определенные фонетические особенности и использование лексики. Сложные идейно-эстетические взгляды Дж. Байрона нашли адекватное отражение в переводе Ф. И. Тютчева и приобрели новое звучание в русской и мировой литературе.

Ключевые слова: рецепция, художественный образ, перевод, поэтический текст, романтизм, романтическая поэзия, философия романтизма.

Olga Misyachenko

**Reception of Artistic Images of English Romantic Poetry
by Russian Reader (on the Example of F.I. Tyutchev's Translation
of the Work "Lines written in an album, at Malta" by G. Byron)**

Today more and more researchers in the field of literary criticism are paying close attention to such a phenomenon as the reception of poetic texts. The reception of English romantic poetry by Russian reader is of particular scientific interest.

The article is devoted to the problem of analyzing the process of reception of English romantic poetry in Russian literary society based on F. I. Tyutchev's translation of the work "Lines written in an album, at Malta" by G. Byron.

Artistic images created by F. I. Tyutchev are significant for study of poetry of the era of romanticism. Moreover the reception of images translated by F. I. Tyutchev expressed through certain phonetic features and usage of vocabulary are widely researched by many scientists. The whole philosophy of romanticism is expressed in the images created in F.I. Tyutchev's

translation. G. Byron's complicated ideological and aesthetic views were reflected in the translation and acquired a new sound in Russian and world literature.

Key words: reception, artistic image, translation, poetic text, romanticism, romantic poetry, philosophy of romanticism.

В первую очередь необходимо определить, что же такое рецепция, что понимается под данным термином. Если мы имеем дело с теорией литературы, то рецепция представляет собой восприятие читателем (говоря иначе – адресатом) художественного произведения. Проблематика рецепции входит в многочисленные исследования зарубежных и отечественных школ литературоведения. Рецепция была и остается базовой категорией в понятийном аппарате рецептивной эстетики – особого направления в литературоведении и критике, исходящего из основной идеи: то или иное художественное произведение реализует свой потенциал в полной степени только в процессе контакта художественного текста с читателем. Рецептивная эстетика представлена такими именами, как: Х. Р. Яусс, В. Изер, Р. Варнинг, Х. Вайнрих, Г. Гримм [1]. Последовательное и глубокое изложение идей рецептивной поэтики в работах известного ученого в области западной эстетики и филологии второй половины XX века Ханса Роберта Яусса, который внес весомый вклад в развитие концепции воздействия на адресата. Он является видным представителем так называемой «констанцской школы», сформировавшейся в ФРГ в 1960-е годы [2, с. 28].

Достаточно подробно рассмотрел вопросы рецепции известный советский и российский литературовед доктор филологических наук профессор В. Е. Хализев в «Теории литературы». Ученый уверен, что авторы непременно размышляют о своих читателях. Любое творчество становится бессмысленным без его восприятия и осмысления адресатом. Эта (имплицитная или эксплицитная) беседа ведется постоянно. Авторы не только описывают свою авторскую индивидуальную картину мира, но и стараются воспроизвести мысли читателя, прочувствовать настроение своего читателя, позволить читателю согласиться или не согласиться с той или иной точкой зрения. Так, В. Е. Хализев говорит о том, что образ читателя выступает как одна из граней художественной «предметности» [6], упоминая великих поэтов и писателей своего времени – Л. Стерна, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, вполне логично полагая, что их великие творения представляют собой живой диалог писателя с читателем. Концепция адресата – термин, который был представлен и детально проанализирован В. Е. Хализевым. Он подразумевает универсальную значимую форму «художественного

преломления воспринимающего субъекта», т.е. «подспудное присутствие в целостности произведения воображаемого читателя» [6]. Ученый четко представляет классификацию типов читателя, т.е. это может быть вполне конкретное лицо (здесь В. Е. Хализев приводит в качестве примера пушкинские дружеские послания), современная публика (к примеру, суждения А. Н. Островского о демократическом зрителе) и далекий мандельштамовский читатель (О. Э. Мандельштам «О собеседнике»). В своей работе В. Е. Хализев также называет представителей «констанцской школы». Кроме Х. Р. Яусса и В. Изера, В. Е. Хализев анализирует идеи М. Наумана. Западно-германские ученые, как пишет в своем труде В. Е. Хализев, исходили из того, что художественный опыт имеет две стороны: продуктивную, или творческую, и рецептивную (сферу восприятия). В центр произведения ставится не автор с его взглядами на действительность, а именно читатель, способный вступить в диалог и эту действительность интерпретировать. То есть читатель имплицитен, включен в процесс некоего конструирования художественной действительности, а автору присуща определенная энергия воздействия на читателя, именно ей, по мнению представителей «констанцской школы», и уделяется основное значение. В любой художественный текст вложен потенциал воздействия, как утверждают представители рецептивной эстетики. Именно он и определяет уровень восприятия произведения читателем. Таким образом, мы можем утверждать, что основным постулатом рецептивной эстетики является выдвигание на первый план процесса коммуникации читателя с текстом.

На взгляд многих ученых в области рецептивной эстетики, самыми главными проблемами являются: исследование творческого восприятия художественного текста и его исторического и социального функционирования. Если классическая теория литературы исходила из оценки произведения с точки зрения структуралистского или формального анализа, а смысл литературного произведения понимался через призму авторского замысла или критического взгляда ученого, то рецептивная эстетика основана на художественном восприятии, который, как мы уже отметили, понимается как «разговор» читателя и произведения. Художественное произведение понимается как цельное эстетическое выражение, которое наделено образным содержанием, способным пробуждать целое множество образов и ассоциаций. Можно сказать, что рецептивная теория обладает гуманистической направленностью, которая раскрывается через эстетический аппарат читателя, творческую направленность акта чтения. Главным приоритетом рецептивной эстетики в литературе является убеждение в возможности разговора читателя

и текста, что отличает рецептивную эстетику от тех теорий в литературе, где «наличие адресата как собеседника и возможность второго голоса полностью элиминируются» [4, с. 5]. Говоря иначе, рецептивная эстетика, анализ литературного процесса именно с точки зрения адресата направляет развитие литературной теории в сторону разнообразия выражения, преодоления культурных и языковых барьеров восприятия; помогает читателю исследовать языковую и художественную картину мира, а также индивидуальную авторскую картину мира через собственные эмоции и переживания, через свой жизненный опыт; раскрывает таким образом индивидуальность читателя и художественного своеобразия текста.

Говоря о процессе рецепции именно в поэтических текстах, необходимо отметить следующее: роль рецептивной эстетики в лирических текстах по-настоящему велика. Поэзию, безусловно, необходимо чувствовать, «пропускать через себя» и уметь анализировать образы, которые поэт стремился обозначить и передать через систему художественных средств и определенных фонетических особенностей. Переводческое творчество русских поэтов знакомит русского читателя с культурой других народов. Так, к примеру, переводы Ф. И. Тютчева являются своеобразным европейским культурным наследием в русском литературном обществе. Кроме немецкой и французской литературы, поэт также переводил всемирно известные английские лирические произведения эпохи романтизма. Например, знаменитое стихотворение Дж. Байрона «Lines written in an album, at Malta» появляется в журнале «Северная лира» в 1827 году именно в переводе Ф. И. Тютчева. Поэт в своем переводе байроновских строк стремился переосмыслить творчески заложенный в произведении «эталон альбомного послания», присущий оригиналу. Композиция стихотворения представлена двумя катренами, но в этих восьми строчках, как может отметить читатель, лежит глубочайший смысл бытия: жизнь не вечна, но воспоминания живых о тех, кого уже нет в нашем мире, заставляют задуматься о смысле собственной жизни. Перевод Ф. И. Тютчева обладает особой художественной выразительностью.

Рецепция читателя художественных образов, изображаемых в переводе Ф. И. Тютчева, создается не только через систему выразительных средств языка, но также через более глубокое и широкое изображение художественного времени и пространства, искусно передаваемое через фонетические особенности, анализ которых приводится в статье. Ф. И. Тютчев даже создает свое собственное (авторское) художественное поле, которое значительно шире художественного поля в оригинальных строках. Эта широта художественного поля выражена через многие фонетические особенности. Если

сравнивать оригинальные байроновские строки с переводом, то можно отметить следующее: у Ф. И. Тютчева частое использование фонем /л/ и /н/, словно «растягивает» слова и фразы, что, безусловно, и создает впечатление той самой широты художественного пространства:

*«Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых»* [5, с. 431].

Более того, поэт совершенно точно использует интонацию и ударение. Так, в каждой строке в первых двух словах ударение падает на первый слог, что также словно «растягивает» пространство текста, позволяет читателю легче проникнуть в это пространство: «медлит», «путника», «хладных», «камнях». Широта художественного поля подтверждается еще и тем, что Ф. И. Тютчев в своем переводе создает образ не единственного холодного могильного камня, как мы можем наблюдать в оригинальных строках Дж. Байрона – «the cold sepulchral stone», а целой груды таких камней: «на хладных камнях гробовых». Экспансия художественного пространства необходима поэту-переводчику для того, чтобы читатель смог в полной степени погрузиться в атмосферу лирических строк. Благодаря расширению художественного пространства читатель рассуждает свободно, легче воссоздает образы, не чувствуя определенных пространственных рамок. Можно сказать, что восприятие русским читателем романтической философии также становится шире и глубже.

Говоря о рецепции английской литературы романтизма в русских литературных кругах, невозможно обойти стороной и строки оригинала. Первый катрен у Дж. Байрона более динамичен, нежели в переводе Ф. И. Тютчева. Становится ясно, что поэты используют разные приемы для привлечения внимания читателя к романтическим строкам. Если у Ф. И. Тютчева акцент делается в основном на фонемах /н/ и /л/, а также на ударении, то Дж. Байрон использует частый повтор фонемы /s/:

*«As o'er the cold sepulchral stone
Some name arrests the passer-by...»* [7, с. 304].

Как равнодушный байроновский путник непременно останавливает свой взгляд на холодном камне: «arrests the passer-by», – так и читатель, безусловно, направит свое пристальное внимание на имена, начертанные на этом камне. Фонема /s/ словно удерживает это внимание читателя, ее изобилие поражает силой звучания: «some», «sepulchral», «stone», «arrests», «passer-by», «thus», «this», «view'st», «pensive». Читатель сможет без труда воссоздать в своем воображении те образы, которые описаны поэтом в строках: образ холодного кладбищенского камня, образ бесконечного, которое ощущается в каждой лирической строке, образ самого бытия. Здесь нами затро-

нута уже другая категория произведения – категория времени. Если художественное пространство в строках оригинала ограничено, то время и у Ф. И. Тютчева, и у Дж. Байрона представляет собой категорию более сложную для восприятия читателя. Время словно «разворачивается» постепенно, принимая, в конце концов, форму того самого бесконечного, представляющего собой особую философию романтизма, которая только углубилась в переводе Ф. И. Тютчева.

У поэта-переводчика категория времени выражается через отдельные фразы: «как медлит путника вниманье» (создается впечатление о протяженности времени), «через много-много лет» и, наконец, в самых последних строках категория времени раскрывается как нечто бесконечное, вечное, незыблемое: «Его – нет боле в вашем круге; / Но сердце здесь погребено». Имя будет жить вечно в этих начертанных поэтом строках. В философии романтической поэзии тема духовного и душевного бессмертия всегда шла рука об руку с темой быстротечности человеческой земной жизни. В строках перевода бесконечная временная протяженность выражается также через уже знакомую читателю фонему /n/, то есть фонема выполняет в переводе сразу несколько функций: благодаря ей расширяется не только пространство, но и художественное время текста («много-много», «оно», «напомнит», «но», «о прежнем», «погребено»). Поэт продолжает искусно выстраивать ритмический рисунок, углубляя и поддерживая эффект «протяженности» строк, создаваемый во многом благодаря ударению:

«Чрез много, много лет оно

Напомнит им о прежнем друге...» [5, с. 431].

За счет ударения достигается не только эффект музыкальности, напевности и протяженности строчек, но и бесконечности как совершенно романтического философского понятия.

Бесконечность времени выражается через память. Жизнь теперь может продолжаться только в воспоминаниях. Тема минувших мгновений, ушедшей жизни передается у Дж. Байрона местоимением «some», которое несёт абстрактное значение в словосочетании «in some succeeding year». Темпоральность передается через долготу гласных: «thee», «read», «succeeding», «dead», «perchance», а также через фонему /n/, которая создает эффект временной протяженности: «when», «name», «perchance», «succeeding», «think». Кроме того, в строке «Perchance in some succeeding year» читатель может наблюдать так называемое явление проспекции, что передается через фонему /s/: «perchance», «succeeding», «some». Взгляд поэта действительно устремлен в будущее. Доказательством этому служит прилагательное «succeeding», которое и относит действие в будущее. Примечательно, что Дж. Байрон уже ис-

пользовал фонему /s/ в первом катрене для того, чтобы завладеть вниманием читателя. Так, поэт стремится удержать внимание читателя не только для описания настоящих мгновений. Он уверен, что в памяти этот возвышенный образ будет жить вечно.

Романтическая философия, представленная как в оригинальных строках, так и в переводе, создана вечным противопоставлением жизни (памяти) и смерти, бесконечного (духовного бытия) и скоротечного (человеческой жизни на земле). В переводе Ф. И. Тютчева байроновские строки поднимаются сложные вопросы бытия. Читатель вместе с поэтом может рассуждать о смысле бытия, о жизни и смерти, о роли судьбы в жизни человека, о мимолетности мгновений и памяти, в которой эти мгновения продолжают жить. Сложная байроновская романтическая философия нашла в переводах Ф. И. Тютчева свое выражение и приобрела совершенно новое звучание.

Таким образом, поэт-переводчик Ф. И. Тютчев смог не только передать основной посыл оригинальных байроновских строк и укрепить в сознании русского читателя созданные автором произведения образы, но и выразить через них целую философию романтизма, добавить свою проблематику к английской лирике, расширить границы художественного пространства, тем самым обогатив содержание английской романтической поэзии.

Список литературы

1. Ковылкин А. Н. Читатель как литературно-теоретическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М.: Ин-т мир. лит. им. М. Горького РАН, 2007. 25 с.
2. Машакова А. К. Казахская литература в современной зарубежной рецепции: [монография]; М-во образования и науки Российской Федерации, Ком. науки, Ин-т лит. и искусства им. М. О. Ауэзова. Алматы: Изд. центр Ин-та лит. и искусства им. М. О. Ауэзова, 2014. 236 с.
3. Рецептивная эстетика. Электронный ресурс. URL: http://geum.ru/kurs/retseptivnaya_estetika.php (дата обращения: 14.08.2020).
4. Теория литературы. Электронный ресурс. URL: https://4itaem.com/book/teoriya_literaturyi-22174 (дата обращения: 14.08.2020).
5. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Изд. центр «Классика», 2005. Т. 5. 385 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
7. Lord Byron George Gordon. Poems. London: Wordsworthmy-schop, 2004. 816 p.

References

1. Kovylnkin, A. N. *CHitatel' kak literaturno-teoreticheskaya problema* [Reader as a literary-theoretical problema]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08. Moscow: In-t mir. lit. im. M. Gor'kogo RAN, 2007. 25 p. (In Russian).
2. Mashakova, A. K. *Kazahskaya literatura v sovremennoj zarubezhnoj recepcii* [Theoretical thesis of the literary reception]: [monografiya]; M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Fed-

eracii, Kom. nauki, In-t lit. i iskusstva im. M. O. Auezova. Almaty: Izd. centr In-ta lit. i iskusstva im. M. O. Auezova, 2014. 236 p. (In Russian).

3. *Receptivnaya estetika* [Receptive aesthetics]. Elektronnyj resurs. URL: http://geum.ru/kurs/retseptivnaya_estetika.php (data obrashcheniya: 14.08.2020).

4. *Teoriya literatury* [The theory of literature]. Elektronnyj resurs. URL: https://4itaem.com/book/teoriya_literaturyi-22174 (data obrashcheniya: 14.08.2020).

5. Tyutchev, F. I. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v shesti tomah* [Complete works and letters in six parts]. Moscow: Izd. centr «Klassika», 2005. T. 5. 385 p. (In Russian).

6. Halizev, V. E. *Teoriya literatury* [The theory of literature]. 4 izd., ispr. i dop. Moscow: Vysshaya shkola, 2004. 405 p. (In Russian).

7. Lord Byron George Gordon. *Poems*. London: Wordsworthmy-schop, 2004. 816 p. (In English).